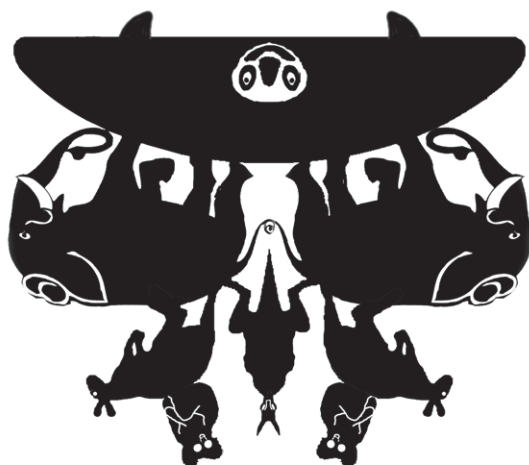

АНТИПОДЫ

Литературная мастерская
Сидней
3 февраля 2013

Александр Малков

Мысль

Без слова мысль слаба, ей тайной быть!
Как тонких паутин на солнце нить,
она колдует, манит, чтоб пленить
все рвущееся в высь крылами,
и замирает меж стволами,
терпя насмешки ветра и дождя.
Когда ж натуженно воспрянет снова
и чрево мысли покидает слово,
чтобы ее взлетая отразить,
тогда лишь средь людей ей жить,
в почете, славе и трудах суровых,
иль умереть средь мыслей новых!

Десять лет

Наш лес... Все тот же и не тот:
тогда — мажорный, как фокстрот,
теперь он — вальс sentimentalный.
В нем перескрип и стон фронтальный.
Брожу средь поредевших сосен,
и дюжины оставшихся берез,
сентябрь прохладу севера принес,
и скоро кроны им подкосит.
Сажусь на пенёк, как делал иногда,
я в позу размышляющего кули.
Что эти ноги унесли тогда,
а что теперь сюда вернули?..
Смотрю, хочу представить, как
от спячки пробуждался березняк,
жуки, гудя, пускались в путь,
и пасоха сочилась в банку,
стекала в рот, на горло, грудь,
мочила ворота изнанку.
Пытаюсь вспомнить на какой
мы целовались, нежная, поляне,
и свежий ветер, травами густой,
нам пел: — «Любите, милые миряне!»
Казалось, это было всего год,
назад, но годы промелькнули...
Пытаюсь ощутить вкус ягод,
но, мои рецепторы заснули.
Лет десять — астронавтом — за год?
Да... меня все чувства обманули.

1972 г.

Всеволод Власкин

* * *

перипатетика капель
в оконном небе
ручей
безрукой мысли
лишенной жестов
так стекает по листу
рука китайца
пишущего характерами
актерами без речей

стемнело
в душе моей стемнело
в темени немо
языки телескопов
слизывают тмин
с темени неба
глаза телескопов печальны

у мирного времени своя печаль
как у войны свое веселье
как у вальса всегда предвоенность
расходы мои подсчитаны
выходные дни мои неисчислимы
погода предсказана мне на год вперед
хотя совершенно не точно
но всегда в размере четыре четверти

2012

* * *

моллюски
припавшие
к пробоинам
в днище
темного неба
оно несет их
каждую ночь

днем
пропадающие
на обочинах
в промоинах
нишах
припадающие
на одну ногу
одной ногой
на ступени
чтобы лезть
в сумерки
в ночь

ноги ночи
все в проколах
и порезах
так бывает
когда ступаешь
по раковинам
мидий
моллюсков
приоткрывших
от удивления
рот

их года
их сезоны
их дни недели
бесконечны
их небеса

и их дома
внутри отделаны
перламутром
их губы как шелк

и их кости как шелк
тех кто не дождался
еще одной ночи
или дождался
и забылся
забыл
во время отлива
спуститься
на две-три
ступени

2012

* * *

tiger tiger burning
yearning
earn
ing
hard
hard
burn
hard
flame
solid
fire
ire
hard-earned
bonfire
bona
fide
on
id
dreamland
and am i
end of
all be
ginn
ing
s
atmosphere
atom ut
most
ly
solid atom
monthly
in the
sky
sly
sphere
grow
ing
sh

y
flame
turn
in
g
cold
old
or
are you a sphere
a torus of
all da
ys
(of old
day
s
)
a
chorus of
all sol
ids
or
of all solos
or los
ses
th
at cease
in the
co
l
d of the vault
as if at ease
at last
as
it
is
as if i know everything
as if i know a thing
as if i owe eve
ry thing
at eve

as if
it is
as
it
is
)
)
)
closing
closing
closing

t
i
me
i'm
mi
me
of
me
i'm
mime

of everything
of tide of solids
of the very lids of the weary lids

s
l
i
d
i
n
t
o
t
h
e
s
l
e
e
p

Alice Major

Contemplating the city

An agglomeration of huts or tents turns into a town only when its space has been recognized ceremonially as substantially other than rural expanse, when it is opposed to the 'outside,' when the paths that transverse its space are recognized as roads.

— *Ivan Illich, H2O and the waters of forgetfulness*

The framework for the following sequence of poems is the ritual, known as *contemplation*, used in ancient times to found a colony of Rome.

1. Locate the site

To find a city, make a chance encounter

The plane sails in above the setter-coloured fields
swathed in concentric lines of harvest,
circle on square. I find myself returning
to this place that wasn't home.

I came to escape somewhere else, to scrape
a little gold from the sidewalk,
a little frost from the windshield —
meant to pocket these shavings,
shiftless change that would melt and leave
me unchanged. X
marks the spot on the treasure map.

Marked here
on this bend among so many —
the only city in a thousand miles of river.
A site decided through the puzzling ratio
of random chance to fate.

The plane's wings slide in the angle of light.
Below, the river ploughs its brown furrow —
wedding of land and water.

Размышляя над городом

Агломерация лачуг или хижин превращается в город только тогда, когда их пространство официально признаётся существенно отличающимся от окрестных сельских просторов, когда оно противостоит пространству «внешнего», когда пути, его пересекающие, называются дорогами.
— *Иван Ильич «H2O и воды забвения»*

Основой для следующего цикла стихотворений является обряд, известный как *sozerцание*, который в древние времена использовали, чтобы основать римскую колонию.

1. Обозначить место

Чтобы найти город, заключи с ним случайную встречу

Плоскость плывёт над полями цвета сеттера,
закутанная в концентрические линии урожая,
круг на квадрате. Я вижу себя возвращающейся
к тому месту, которое не было домом.

Я пришла, чтобы избежать
чего-то другого в каком-то ином месте, чтоб отскрести
немного золота с тротуара,
немного мороза с ветрового стекла —
собираясь заначить себе в карман эти обмылки,
пассивное изменение, которое позже растает и оставит
меня неизменной. X
отмечает точку на карте сокровищ.

Помечен здесь
на сгибе среди стольких прочих —
единственный город на тысячу миль реки.
Место, определённое по загадочному отношению
случайного эпизода к судьбе.

Крылья самолета скользят в угле света.
Ниже, река вспахивает свою бурую борозду —
свадьба земли и воды.

The North Saskatchewan.
South Saskatchewan. Rivers like long legs
of a compass splayed across the prairies.
A thousand miles of river —
how to take that measure?

Arithmetic of river, aftermath of current
as the river bends into cliff, cuts its path rounder
and rounder, rolls back on itself.
But cannot flow in circles — trips up,
cuts off an oxbow, snaps
its path straight again.

Do we measure length
as geese or gulls fly? or as a leaf
would float each elemental bend and curve?
Both these distances bound up
in one another, by the ratio
of circle to the line drawn taut across it.

Runways mark a skewed cross
on prairie. Wheels rush at tarmac.
We arc in our seats — thrust
forwards and backwards at the same time.

I collect my circulating luggage
from the baggage belt's meander,
cut through the swirl of strangers
and their bright foreign chatter,
head for the taxi stand.

*To find a city, accept
the guidance of whatever calculating god
has taken you in care.*

Note: The length of a meandering river is governed by pi — in other words, when the actual, circuitous length is compared with the direct end-to-end distance, the ratio tends towards pi. This is due to balancing tensions between circularity and straightness.

Северный Саскачеван.
Южный Саскачеван. Реки как длинные ноги
циркуля, распростёртые через степи.
Тысяча миль реки —
как овладеть этой мерой?

Арифметика реки, последствия течения,
когда река изгибается среди скал, срезая свой путь круглее
и круглее, откатываясь к себе.
Но не может течь кругами — следует вверх,
срезает слепые свои рукава, защелкивает
свой путь опять напрямуюю.

Меряем ли мы длину так,
как летают гуси или морские чайки? или как лист
проплывал бы каждый простейший изгиб и кривую?
Два эти расстояния связаны
друг с другом, как отношение
круга к линии, проведенной строго насквозь него.

Взлётные полосы ставят скошенный крест
в степи. Колеса торопятся по асфальту.
Мы выгибаемся в креслах — тянет
вперед и назад в то же время.

Я забираю мой плывущий по кругу багаж
с меандра багажной ленты,
прорезаю насквозь водоворот чужаков
и их яркую болтовню на иных языках,
устремляюсь к стоянке такси.

*Чтобы найти город, прими
руководящую волю что бы ни подсчитывающего божества,
взявшего тебя на поруки.*

Примечание: Длина течения извилистой реки вычисляется при помощи
числа «пи» — другими словами, когда реальная, круглая длина срав-
нивается с прямой, проходящей из начала в конец пути, их отношение
стремится к «пи». Это связано с выравниванием натяжений между
круглым и прямым.

Перевод Татьяны Бонч-Осмоловской

Отступница

«Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть –
Как сами себе верны».

Марина Цветаева

Говорят, что она отступила от веры,
Безразличием мера досужие сплетни.
Говорят, её муж у неё был не первым,
А любимый мужчина всегда не последним.

Говорят, что она предала идеалы
И из правил могла отыскать исключенья,
Из застенков и тюрем на волю бежала
Даже жизни ценой иль ценою презренья.

Говорят, что она не дружила с моралью,
Как законом, написанным кем-то для быдла,
Не прощала предательства ближним и дальним,
А неискренность ей больше тлена претила.

Говорят, что она наплевала на принцип,
Беспринципностью гибкость в себе утверждая,
И под дулом ружья не смогла б возвратиться
В иллюзорное прошлое, бывшее раем.

Говорят, что имела отвратный характер:
Сумасбродна и взбалмошна, даже капризна.
К дню рождения, как к оскорбительной дате,
Относилась, подарков не делая близким.

Говорят, что была она экстравагантна,
Не в одежде с манерами, больше – в сознании,
На котором зазубрины были и пятна
От забот и событий, случившихся ранее.

Говорят: для души ей никто не был нужен.
Одиночества поиском опьянена,
И с собою свести не сумела бы дружбы,
И себе не могла оставаться верна.

* * *

Память выбелила страницы
дни и месяцы
 чьи-то лица
 отражения не мои

Зеркала туманят дыханье
чье-то выплеснуто рыданье
 чьи-то дни

в том пакетике... те пилюли...

 спи, мой маленький
 люли люли
 ты единственный настоящий
 жизни ясной принадлежащий
 Счастье!

Остальные – потом красоты,
чья-то жизнь... и жизни высоты
и вступление в новую жизнь
чью-то... Время, остановись!
 или нет шагай – ты под солнцем
 нагибаешься над колодезцем
 отражение в нём моё!
Развевается словно флаги
чисто выстирано бельё

Kyle Martin Jones

«Слоны и буддисты»

Я влюбился в неё, пока она рассказывала мне про буддистских монахов, вышагивающих рядом со слонами.

Глаза её горели, руки метались вокруг тела, как мотыльки, пытающиеся найти источник света. Когда дело дошло до слонов, её ладони превратились в уши, руки — в хоботы, голова откинулась назад в попытке изобразить трубные слововьи звуки...

Потом, присмирив, она описывала монахов, и её притихшие на коленях ладони слегка вздрагивали, а глаза стали огромными от удивленного восхищения укладом монашеской жизни.

Она рассказала, что монахи продолжают медитировать на ходу и оттого всегда выглядят такими умиротворенными, даже когда слоны останавливаются, чтобы обкакать дорогу. Ещё она говорила, что лица монахов почти всегда серьёзны, но когда они улыбаются, — это как вспышка молнии, внезапно освещающая ночь и прошивающая всё тело дрожью.

Она сказала, что собирается вернуться в Таиланд, что хочет научиться быть абсолютно спокойной, как монахи. Тем временем, её пальцы ловко снимали кожуру с апельсина одной длинной закрученной полоской.

Я хотел признаться, что люблю каждое её движение, совершенное её неспокойствие. Я хотел поцеловать её между торопливыми, задыхающимися фразами, почувствовать вкус слов у неё во рту.

Вместо этого, я сказал, что это будет просто грандиозно, и не пошлёт ли она мне открытку оттуда.

Тогда она начала рассказывать о своей работе, точнее – об одной из своих работ, о парне по имени Джо с какими-то связями в Таиланде, который поможет ей и там найти работу, жильё и так далее, и так далее. Посередине рассказа, она вдруг протянула ко мне руку и, не переставая жестикулировать другой рукой, убрала прядь волос с моего лица.

Её кожа пахла апельсинами.

Перевод Лены Островской